

Юрій Борисычъ ждетъ за гумнами... неравно безъ меня что случится...

— О, не называй его! ты хочешь меня обмануть... это какая нибудь адская западня... О, Вадимъ, дай мнѣ по крайней мѣрѣ умереть въ покоѣ... тебѣ судьба за меня отплатитъ...

— Что ты, матушка, бредишь? помилуй... какой тутъ Вадимъ? я Федосей — чай, меня не забыла... Да вставай... баринъ остался одинъ... а время опасное...

Какъ пробужденная отъ сна, вскочила Ольга, не вѣря глазамъ своимъ; съ минуту пристально вглядывалась въ лицо сѣдого ловчаго и наконецъ воскликнула съ внезапнымъ восторгомъ: — такъ онъ меня не забылъ! такъ онъ меня любитъ? любитъ? онъ хочетъ бѣжать со мною, далеко, далеко! — и она прыгала и едва не цѣловала шершавыя руки охотника — и смѣялась, и плакала... — нѣтъ, — продолжала она, немного успокоившись, — нѣтъ! Богъ не потерпитъ, чтобъ люди насъ разлучили, нѣтъ! Онъ мой, мой, на землѣ и въ могилѣ, вездѣ мой; я купила его слезами кровавыми, мольбами, тоскою, онъ созданъ для меня, нѣтъ! онъ не могъ забыть свои клятвы, свои ласки...

— Я этого ничего не знаю, — прервала хладнокровно Федосей, — ужъ вы тамъ съ бариномъ согласитесь, какъ хотите, купить или не купить, и я знаю только то, что намъ пора... если ужъ не поздно...

— Но куда? какъ?

— Ужъ это мое дѣло! провалъ побери... развѣ не вѣришь?

— Федосей, если ты обманываешь, оборови Боже...

— Что я за басурманъ... да скорѣе... Юрій Борисовичъ ждетъ насъ за гумнами на дорогѣ... чай, глазыньки проглядѣлъ...

— Я готова...

Федосей, подавъ ей знакъ молчать, приблизился къ двери, отвернулъ ее до половины и высунулъ голову съ намѣреніемъ осмотрѣть, все ли кругомъ пусто и тихо. Довольный своимъ обзоромъ, онъ, покашлявъ, проворчалъ что-то про себя и ужъ готовился совершенно расхлопнуть дверь, какъ вдругъ онъ ахнулъ, схватился рукой за шею, выткнулся и въ судорогахъ упалъ на землю; что-то мокрое брызнуло на руки и на грудь Ольги... она затряслась всѣмъ тѣломъ... хотѣла кричать... не могла... Передъ нею Федосей плавалъ въ крови своей, грызъ землю и скребъ ее ногтями, а бѣдъ нимъ съ топоромъ въ рукѣ, на самомъ порогѣ, стоялъ нѣкто еще ужаснѣе, чѣмъ умирающій: онъ стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на Ольгу глазами коршуна и указывалъ пальцемъ на окровавленную землю; онъ торжествовалъ,

какъ Гераклесъ, побѣдившій змѣя: улыбка, ядовито-сладкая улыбка набѣгала на его красныя губы: въ ней дышала то гордость, то презрѣніе, то сожалѣніе — да, сожалѣніе излача, который не по собственной волѣ, но по повелѣнію высшей власти наноситъ смертный ударъ.

— Ты видишь! — сказалъ, наконецъ, Радимъ съ глухимъ смѣхомъ, — я сдержалъ свое обѣщаніе... это онъ! не бойся взглянуть на искаженные черты нѣкогда молодого, свѣтлаго лица... Это онъ!.. тотъ самый, чья голова покоилась на груди твоей, кто на губахъ твоихъ замиралъ въ упоеніи, кто за одинъ твой нѣжный взглядъ оставилъ домъ, отца и мать, — для кого и ты бы ихъ покинула, если бы имѣла... Это онъ! бѣдный, глухой юноша! который такъ гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, который съ такимъ самодовольствіемъ носилъ свой зеленый раззолоченный мундиръ, который, окруженный лестію, сыпавъ деньги своимъ лъстепанемъ, не требуя даже благодарности, которому стоило только мигнуть, чтобъ женщина кинулась въ его объятія — да! — что же онъ теперь! окровавленный прахъ! бездушный чурбанъ, не чувствующій даже обиды, — и Вадимъ толкнулъ ногою охладѣвшій трупъ и продолжалъ: — какъ отератителенъ теперь онъ долженъ быть... посмотри, Ольга, я не хочу смягчать душу этимъ зрѣлищемъ; посмотри, какъ хороши его закатившіеся бѣлые глаза.. Творецъ небесный!.. кто же все это сдѣлалъ, кто превратилъ прекрасное созданіе Бога въ глыбу грязи? кто напичкалъ эти кудри багрянымъ напиткомъ? кто разорывалъ по стѣнѣ этого бѣлый, чистый мозгъ?... кто?... я, я, я! ха! ха! ха! презрѣнный нишій, безсильный рабъ, безобразный горбачъ! да! да! неужели это такъ удивительно?.. Я говорилъ тебѣ, Ольга, не люби его! ты не послушалась; ты, какъ обыкновенная женщина, прельстилась на золото, красоту и пышныя обѣщанія; ты мнѣ не повѣрила: онъ общалъ тебѣ счастье — мечту, а я общалъ мечь и вѣрную мечь. Ты выбрала первое; ты смѣла помыслить, что люди могутъ противиться судьбѣ, будто бы я ужъ такъ давно отвергнуть Богомъ, что онъ захочетъ мнѣ отказать въ первомъ, послѣднемъ, единственномъ удовольствіи... Я твой братъ, Ольга, братъ! господинъ, повелитель, царь твой — насъ только двое на свѣтѣ изъ всего семейства — мой путь долженъ быть твоимъ; напрасно ты мечтала разорвать слабой рукой то, что связала природа: гдѣ бушуетъ моя ненависть, тамъ не цвѣсть любви твоей... — Онъ на минутку замолкъ, его волосы стояли дыбомъ, глаза разгорались какъ уголья, и рука, простертая къ Ольгѣ, дрожала на воз-